

«Краткое изложение Евангелия» Л. Толстого и феномен логического иконизма в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна

Т. А. Федяева

*Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Философско-религиозные искания Л. Витгенштейна в период написания «Логико-философского трактата» (1921) были теснейшим образом связаны с огромным влиянием на его мировоззрение русской литературы, которая стала «эстетическим посредником» на пути Витгенштейна к вере в религиозные основы миропорядка. Особую роль в формировании всего комплекса философских идей «Логико-философского трактата» сыграла книга Л. Толстого «Краткое изложение Евангелия» (1881), которая обусловила воззрения Витгенштейна на особенности функционирования логики в прояснении языка и объяснении общих законов жизни.

Содержание. Влияние евангельской поэтики и текстологических особенностей толстовского «Изложения Евангелия», а также использования стратегий библейского слова в «Логико-философском трактате» мало изучено как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Плодотворными для изучения темы, заявленной в данной статье, явились феноменологический и структурно-семиотический методы, последний из которых предложен Ю. М. Лотманом в его исследованиях творчества Толстого и Достоевского. Опора на эту методологию позволяет вывести раннюю философию Л. Витгенштейна за рамки ее позитивистского толкования, весьма распространенного в XX и даже в начале XXI веков.

Выводы. Рассмотренные в статье линии влияния «Краткого изложения Евангелия» Л. Толстого на языковую философию и теорию образов в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна позволили выявить специфику эстетического статуса сочинения австрийского философа и выделить особую функцию логики как посредника в обнаружении трансцендентальной природы слова и мира.

Ключевые слова: Толстой, Достоевский, Витгенштейн, Евангелие, логика, иконизм, символ, язык, невыразимое.

Для цитирования: Федяева Т. А. «Краткое изложение Евангелия» Л. Толстого и феномен логического иконизма в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна / Т. А. Федяева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 3. – С. 22–35. DOI 10.35231/18186653_2022_3_22

“Summary of the Gospel” by L. Tolstoy and the phenomenon of logical iconism in the “Tractatus Logico-Philosophicus” by L. Wittgenstein

Tat'yana A. Fedyayeva

*St. Petersburg State Agrarian University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. L. Wittgenstein's philosophical and religious searches during the period of writing the “Logical and Philosophical Treatise” (1921) were closely connected with the enormous influence on his worldview of Russian literature, which became an “aesthetic intermediary” on Wittgenstein's path to faith in the world order religious foundations. A special role in the formation of the whole complex of philosophical ideas of the “Logical-Philosophical Treatise” was played by L. Tolstoy's book “Summary of the Gospel” (1881), which conditioned Wittgenstein's views on the peculiarities of the functioning of logic in clarifying language and explaining the general laws of life.

Content. The influence of evangelical poetics and textual features of Tolstoy's “Summary of the Gospel”, as well as the use of the biblical word strategies in the “Logical and Philosophical Treatise” has been little studied in both domestic and foreign studies. Phenomenological and structural-semiotic methods were fruitful for studying the topic stated in this article, the latter of which was proposed by Yu. M. Lotman in his studies of Tolstoy and Dostoevsky. Relying on this methodology allows us to deduce the early philosophy of L. Wittgenstein went beyond its positivist interpretation, which was very common in the twentieth and even in the early twenty-first centuries.

Conclusions. The lines of influence of L. Tolstoy's “Summary of the Gospel” on linguistic philosophy and the theory of images in L. Wittgenstein's “Logical and Philosophical Treatise” considered in the article allowed us to identify the specifics of the aesthetic status of the Austrian philosopher's work and to highlight the special function of logic as an intermediary in discovering the transcendental nature of the word and the world.

Key words: Tolstoy, Dostoyevsky, Wittgenstein, Gospel, logic, iconism, symbol, language, inexpressible.

For citation: Fedyayeva, T. A. (2022). “Kratkoe izlozhenie Evangeliiya” L. Tolstogo i fenomen logicheskogo ikonizma v “Logiko-filosofskom traktate” L. Vitgenshtejna [“Summary of the Gospel” by L. Tolstoy and the phenomenon of logical iconism in the “Tractatus Logico-Philosophicus” by L. Wittgenstein]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. pp. 22–35. (In Russian). DOI 10.35231/18186653_2022_3_22

Введение

Хорошо известно, что русская литература на протяжении всей жизни Л. Витгенштейна оказывала существенное влияние на его философию, сыграв «роль эстетического посредника» [13, с. 110], подготовившего Витгенштейна к религиозному восприятию действительности. При этом, в наследии Толстого и Достоевского для австрийского философа были важны только нравственно-религиозные искания, «социальные аспекты “русской идеи” его никогда не интересовали» [12, с. 210].

Представляется бесспорным мнение К. А. Родина, который считал, что многие темы первого философского сочинения Л. Витгенштейна нельзя понять без к текстам Л. Толстого, в первую очередь, его «Краткого изложения Евангелия» [11]. Объектом нашего исследования является влияние евангельской поэтики и текстологических особенностей книги Толстого на одно из самых известных философских сочинений XX века – «Логико-философский трактат» (1921) [в дальнейшем изложении – «Трактат» или ЛФТ]. Этот вопрос практически не изучен, хотя именно указанное влияние, по нашему мнению, в первую очередь обусловило формирование особого эстетического статуса «Трактата», сыграло существенную роль в формировании его языковой концепции, а также в создании теории образов «Трактата», в котором философ, как и в своих «Дневниках 1914–1916 годов» и «Тайных дневниках 1914–1916 годов» пытался связать культурные и религиозные ценности.

Содержание исследования

Факт воздействия «Краткого изложения Евангелия» Л. Толстого на философию и жизнь знаменитого австрийского философа достаточно хорошо известен и неоднократно являлся объектом рассмотрения в рамках более общей темы – влияния религиозно-философских идей Толстого на формирование философии Витгенштейна. Достаточно назвать работы последних лет, затрагивающие эту тему: диссертацию К. А. Родина «Этика Л. Витгенштейна в контексте постметафизики «Логико-философского трактата»» (2014), статьи Д. Фалькнера «Восприятие идей Льва Толстого Людвигом Витгенштейном» (2017) и Т. А. Федяевой «Витгенштейн и Россия» (2019), книгу Г. Пикфорда «Мыслить как Толстой и Витгенштейн: искусство, эмоции и выражение» (2021).

Л. Витгенштейн неоднократно настаивал на том, что его ЛФТ – произведение не столько философское, сколько литературное. Это

утверждение исследователи связывали с особой метафорической природой философского слова, которой его наделял австрийский философ. Действительно, особый вид философствования в этом первом труде Витгенштейна позволяет говорить о стремлении автора стереть границу между философским и художественным произведением. Ученый стоит у истоков той традиции философии XX века, которая свидетельствует о глубинном родстве философии и поэзии, философии и художественной литературы.

Первое серьезное исследование этой темы было предпринято А. И. Жеребиным в его книге «Вертикальная линия» (2004). Анализируя ряд сочинений австрийских философов рубежа веков, в том числе и «Трактат» Витгенштейна, исследователь доказал, что «для их создателей работа мысли неотделима от работы над словом, и когнитивная функция слова неразрывно слита с функцией эстетической» [8, с. 5].

Витгенштейн писал в одном из писем, что его сочинение состоит из двух частей – написанной и ненаписанной, то есть указывал на зону несказуемого, зону умолчания своего текста. О. Ю. Гончарко и Д. Н. Гончарко в статье «Этика и/или логика в “Трактате” Л. Витгенштейна?» пишут, что «не стоит интерпретировать витгенштейновский вывод о невыразимости невыразимого в духе агностицизма или скептицизма, скорее этот принцип несет эпистемически оптимистическое содержание: не молчать, но сказать не больше того, что мы знаем» [4, с. 108]. Однако ясно, что эпистемиология не исчерпывает смыслового плана зоны умолчания в «Трактате». Общим местом в рассуждениях об ЛФТ является мысль о том, что в нем скрыт другой трактат – этический, более того – не только этический, но религиозный. В этом смысле В. Ю. Перов справедливо указал на то, что в трудах Витгенштейна:

«в большинстве случаев религиозные, эстетические и этические ценности рассматриваются как тождественные, при том что решение этических вопросов зачастую осуществляется посредством аргументации в отношении религиозных и эстетических ценностей, в связи с чем его рассуждения о Боге и эстетических ценностях оказываются и этическими рассуждениями» [10, с. 889].

Природу символизма «Трактата» нельзя понять, не обратившись к поэтологическим особенностям «Краткого изложения Евангелия» Л. Толстого. Оно строится следующим образом: писатель анализирует отдельно каждое простое предложение молитвы «Отче наш», причем подчас анализ нескольких слов, составляющих предложения молитвы, разворачивается на многие страницы, сопрово-

[26]

ждается примерами из Евангелий и его собственными трактовками евангельского текста. Толстой показывает, как мы, по его мнению, должны соотносить нашу земную жизнь с другой, высшей реальностью. Он представляет слова молитвы как содержащие некий код, подлежащий толкованию, раскодированию. Смысл молитвы не складывается при этом из значений суммы слов, составляющих ее предложения, а является метафорическим, знаковым описанием божественных смыслов, стоящих за этими словами.

Раскодирование текстов Библии, их превращение в философию и практику нашей реальной жизни было одним из главных направлений русской религиозной философии и литературы. Ярчайшие примеры тому – творчество Л. Толстого, Ф. Достоевского, В. Соловьева. Восприятие нашей жизни как знакового поля, соотношенного со сферой божественного и обусловленного ею, составляет специфику русской философии и эстетики рубежа веков. Толстой в русле этой традиции видел жизнь как некий текст, который мы должны привести в соответствие с подлинной, «истинной» жизнью и подлинным, библейским текстом.

Ю. М. Лотман обозначил этот способ видения мира и обусловленную им концепцию слова и образа как иконизм. Иконизм предполагает наличие «определенного подобия между планами выражения и содержания» [7, с. 249]. Это подобие неполное:

«В иконе непроективность плана выражения на план содержания входит в природу коммуникативного функционирования знака. Содержание лишь мерцает сквозь выражение, а выражение лишь намекает на содержание» [7, с. 244].

Лотман отмечает, что Толстой и Достоевский по-разному понимали символическую природу «непроективности» и находили разные способы ее выражения. В творчестве Толстого иконизм, а вместе с ним и сфера умолчания были свойственны только художественным образам и языку Библии. Достоевский приписывал иконизм также и речи, т. е. языку каждодневного общения. Оба писателя прекрасно осознавали кризис номиналистической, понятийной структуры языка и видели угрозу этике в «возможности отделять план выражения (слова – Т.Ф.) и соединять его с любым другим содержанием» [7, с. 244]. «Переименованные» (выражение Достоевского) слова использовались как инструмент лжи.

Толстой предлагал в моменты выяснения истины либо молчать, либо обращаться к библейским текстам. Достоевский избежал однозначности Толстого благодаря тому, что опирался на симво-

лические свойства речи или, по его определению, «живого» слова. Ю. М. Лотман, исследуя различные подходы к слову в творчестве Толстого и Достоевского, писал, что у Достоевского «слова не называют вещи и идеи, а как бы намекают на них, давая одновременно понять невозможность подобрать точное для них название». Неточные слова у Достоевского не подлежат «простому зачеркиванию, как весь пласт общественно-лицемерных речей в прозе Толстого. Они составляют приближение к истине, намекают на нее, истина просвечивает сквозь них тускло» [7, с. 245]. Символический тип слова выводил «за пределы знаковости», являясь посредником «между семиотической и внесемиотической реальностью» [7, с. 249]. Не подлежит сомнению вывод Д. Ю. Дорофеева, сделанный им в статье «Эстетика образа Людвига Витгенштейна», о том, что его теория образа открывает «фундаментальную сферу “внеязыкового” – метафизическую, религиозную, этическую, мистическую, собственно эстетическую сферу» [6, с. 920].

В годы работы над «Трактатом» позиция Витгенштейна была скорее ближе толстовской концепции слова: он стремится выработать критерии «истинных» предложений. Только в «Философских исследованиях» (1953) он, подобно Достоевскому, начинает искать «тускло просвечивающую истину» уже в рамках «живого» языка, т. е. речи. Самым важным уроком, извлеченным Витгенштейном из чтения русских классиков, было, как представляется, то, что он поверил в иконизм жизни как таковой, а также в иконическую ипостась языка. Толстовское толкование Евангелий могло стать для него образцом проецирования *Wahrheitstafeln* («табличек истины») духовных текстов на жизнь и язык.

Мысль о тождественности языковой картины мира и неязыковой реальности не нова в исследованиях, посвященных ЛФТ. Так, к примеру, О. А. Коваль и Е. Б. Крюкова в статье об образе языка в философии Людвига Витгенштейна пришли к неоспоримому, хоть и несколько одностороннему, выводу:

«Будучи логически изоморфным миру, язык позволяет создавать образы, соответствующие фактам в мире: он буквально моделирует ситуации, которые в нем возникают. Поэтому любая конструкция, допустимая логикой языка, является возможным фактом, а значит, изучение лингвистических связей гарантирует полноту знания о мире» [9, с. 153].

Представляется, что толстовское «Изложение Евангелия» позволило Витгенштейну расширить представления о языке в первую очередь за счет открытия еще одной ипостаси языка – мистико-бо-

[28]

гословской. Видимо, именно это прозрение имел в виду Витгенштейн, когда после знакомства с толстовским «Евангелием» записал в «Тайных дневниках»:

«Прекрасная книга. Правда, я нашел в ней совсем не то, что ожидал». На следующий день он продолжает: «Читал Толстого с большой пользой для себя». А еще через три дня констатирует: «Я на пути к большому открытию» [14, с. 20].

Что же имел в виду Витгенштейн, когда писал о «большой пользе» и «большом открытии»? «Тайные дневники» ясно свидетельствуют о том, что Витгенштейн в кризисный для него начальный период Первой мировой войны обрел собственный мистический опыт, который перестал быть для него простой абстракцией. Можно предположить, что чтение толстовского «Евангелия» натолкнуло его на мысль о связи сферы логического и божественного. Тезисы 3.031 и 5.123 «Трактата» гласят:

«Когда-то говорили, что Бог мог бы сотворить все, кроме того, что противоречило бы логическим законам. – Дело в том, что невозможно сказать, как бы выглядел нелогичный мир»; «Если некий Бог творит мир, в котором истинны определенные предложения, он тем самым творит мир, в котором оказываются истинными все следствия этих предложений...».

Из этих тезисов, думается, становится очевидным, что логика являлась для Витгенштейна синонимом Божьей воли. Приведем в подтверждение этой мысли цитату из витгенштейновских дневников 1914–1916 годов: «Этика не ведет речь о мире. Этика, как и логика, должна быть условием существования мира» [15, с. 172].

Таким образом, логик Витгенштейн становился посредником в обнаружении воли Бога в мире и языке. Большинство записей «Тайных дневников» начинаются призывом: «Да свершится воля Твоя!». В «Трактате» Витгенштейн совершенно определенно написал о мистическом характере логики: «6.13 Логика не учение, а отражение мира. Логика трансцендентальна». Речь идет здесь в том числе и о мире, каким его задумал Бог, т. е. о мире первозданном и логически совершенном.

Мы полагаем, что «Логико-философский трактат» вполне возможно расценивать как художественно-логическую интерпретацию развития языка от сотворения мира до наших дней. Начиная с тезиса 1 и кончая тезисом 7, Витгенштейн выстраивает своеобразный философский сюжет, описывая судьбу мира и языка посредством своеобразных символических образов, которые можно определить как логические метафоры этапов развития нашего языка. Он про-

типовопоставляет мир, каким тот был обрисован в начале «Трактата», современному миру «последних дней человечества» (определение К. Крауса), в котором «Бог не обнаруживается».

Это же касается и языка. Начав с трактовки слова как божественного создания, слова-образа, Витгенштейн переходит затем к анализу источников искажения этого языка, но не останавливается, подобно своему современнику австрийскому языковому философу Ф. Маутнеру (1849–1923), который призывал к тотальному молчанию, на апокалипсической точке зрения, а призывает вернуться к первоначальному словоупотреблению, т. е. к слову-символу, естественным образом включающему в себя сферу умолчания.

Итак, в самом начале «Трактата» Витгенштейн пишет о первоначальном мире, мире – творении Божьем, в котором все гармонично сосуществует [3]. Слово в этом мире не было, подобно современному слову, наделено несколькими строго определенными значениями, а представляло собой образ, картину, символ. Его смысл обрел благодаря этому известную долю свободы и открытости, он был, по известному определению М. Бахтина, не дан, а задан. С. С. Аверинцев в статье, посвященной возникновению христианской литературы, пишет: «Мораль Нового Завета постоянно апеллирует не к отвлеченным истинам-формулам, а к авторитетному образу... Общая форма христианского мышления и восприятия есть символ, не смешивающий вещь и смысл, но и не разводящий их» [1, с. 249]. Находясь под впечатлением от чтения толстовского «Евангелия», Витгенштейн переходит от размышлений о номиналистической связи слова и его значений к концепции предложения как символической картины.

Через месяц после знакомства с книгой Толстого, в сентябре 1914 года, он размышляет в «Дневниках» о том, что могло бы служить материальным выражением связи слова и его значения («Bedeutung», «Sinn»), а также о связи предложения с его логическим выражением («logisches Abbild»):

«Предложение может выразить свой смысл только через свое логическое выражение» [15, с. 94]. Витгенштейн обращается в поисках подтверждения своих мыслей к способу передачи содержания через иероглифы, когда «каждое слово изображает свое значение», а потом приходит к выводу, что «картина (das Bild) может изображать отношения, которых нет» [15, с. 95]. Далее он констатирует: «Имя не является картиной обозначаемого им. Предложение лишь постольку выражает что-то, поскольку оно является картиной», а чуть позже добавляет: «Можно даже сказать так: вместо "это предложение имеет такое и такое-то значение" – "это предложение изображает такие и такие-то отношения"» [15, с. 96].

[30]

Образообразующую потенцию языка Витгенштейн связал с символическим характером логически выверенного языка «начала» мира. Понятие «начала» мира было весьма актуальным для философских и эстетических теорий рубежа веков. Достаточно вспомнить первостепенную категорию «первоисточника» (Ursprung) мира в творчестве кумира Витгенштейна, австрийского сатирика и языкового философа К. Крауса (1874–1936). Витгенштейновские «факты» (die Tatsachen), о которых он пишет в начале «Трактата», также, по нашему мнению, относились к логическому пространству первозаданного, не искаженного человеческой волей мира:

«1.13 Мир – это факты в логическом пространстве». Если верно предположение о том, что логика для Витгенштейна является проявлением божественной воли, то в ней нет и не может быть ничего случайного; 2.012 В логике нет ничего случайного: если предмет может появляться в некоем со-бытии, то возможность этого со-бытия уже заложена в нем; 2.0121 Если предметы могут входить в со-бытия, то эта возможность уже должна быть заложена в них».

Полное совпадение содержания и формы было прерогативой Логоса, божественного слова-символа, бывшего в «начале». Его, как мы полагаем, Витгенштейн обозначил как «субстанцию» мира:

«2.024 Субстанция – то, что сохраняет свое существование независимо от того, что происходит. 2.025 Она – форма и содержание». Мир, данный нам Богом, представляет собой «целокупность существующих со-бытий» (тезис 2.04).

Затем Витгенштейн вводит такое понятие как действительность («die Wirklichkeit»). Действительность можно понимать как переплетение существенных и несущественных, логических и нелогических, истинных и ложных событий и отношений между ними: «2.06 Действительность – существование и несуществование со-бытий». Картины, по Витгенштейну, могут описывать мир, но не действительность: «2.19 Логическая картина способна изображать мир». Логическая, то есть истинная картина указывает, согласно Витгенштейну, на существование или несуществование в действительности истинных, т. е. предопределенных Богом отношений между событиями. Чтобы выявить это, Витгенштейн предлагает наложить картину на действительность: «2.1512 Она (картина – Т.Ф.) подобна мерилу, налагаемому на действительность».

Человек – он появляется в «Трактате», начиная с тезиса 2.1 – воспринимает не мир, а действительность, и воспринимает ее в картинах, образах: «2.1 Мы создаем для себя картины фактов; 2.12 Картина – модель действительности». Здесь значение понятия «кар-

тина» отличается, как мы полагаем, от понятия «логическая картина», так как включает в себя волю и сознание человека. «Картина» мифологического сознания символична по своей природе: «2.221 То, что картина изображает, – ее смысл».

Начиная с тезиса 3, Витгенштейн, как мы полагаем, описывает следующую ступень в развитии сознания человека – дуалистическую. Центром сферы истины становится теперь дух, область мысли: «3 Мысль – логическая картина факта; 3.01 Целостность истинных мыслей – картина мира». До тезиса 4 Витгенштейн исследует, как представляется, модель логических взаимосвязей между мыслью и предложением, а начиная с тезиса 4 размышляет о сегодняшнем, реальном состоянии языка, который в ходе своего развития удалился от первоисточника и приобрел способность «переодевать мысли» (тезис 4.002).

Он вырабатывает критерии создания истинных, логических предложений, исследует их «основания истинности» (тезисы 5.101 и 5.11) с помощью математических методов, т. е. пытается рациональными средствами познать нерациональное. При этом Витгенштейн вновь подчеркивает не номиналистические, а образные возможности языка: «4.01 Предложение – картина действительности; 4.022 Предложение показывает свой смысл. Предложение показывает, как обстоит дело, если оно истинно».

Я. Я. Вейш в статье «Аналитическая философия и религиозная апологетика. Учение Л. Витгенштейна и «игра религиозного языка»» полагает, что для австрийского философа непреодолимой трудностью являлась «проблема причастности или непричастности «религиозного языка» ко всему остальному «языку», т. е. к человеческой жизнедеятельности и осмыслению ее посредством языка», так как религиозный язык не «выдерживает проверку на разумность» [2, с. 975]. Однако, вряд ли возможно согласиться с мнением автора статьи, так как едва ли Витгенштейн считал «проверку на разумность» конечным критерием истинности предложений, в том числе религиозных.

О том, что предложение показывает, Витгенштейн размышляет в «Дневниках» в период напряженного чтения «Краткого изложения Евангелия» Толстого: «предложение выражает то, чего я не знаю, но что я должен знать, чтобы в принципе суметь его высказать, я показываю это в нем» [15, с. 107]. Этим тайным знанием, может быть, по нашему мнению, мысль о Боге и о словах молитвы. Подтверждением этой мысли могут служить записи Витгенштейна в «Днев-

[32]

никах», которые он сделал двумя годами позже, в 1916 г.: «Молитва – это мысль о смысле жизни» [15, с. 167]; «Верить в Бога – значит понимать смысл жизни» [15, с. 168]. Во время господства языка, «переодевающего мысли», логика оставалась для Витгенштейна, по-видимому, гарантией истинности предложения, гарантией того, что каждое логическое предложение и каждая логическая мысль несли в себе некий божественный код.

Философия, по мысли Витгенштейна, не может быть учением, так как существует учение Христа. Поэтому философию Витгенштейн обозначает как «деятельность» (тезис 4.112), а ее целью считает «логическое прояснение мыслей» (тезис 4.112). Она обнаруживает и показывает божественный код нашего языка. Следуя этой логике, смысл критики языка, по Витгенштейну, состоит не в нигилистическом отрицании познавательных возможностей языка, как, к примеру, полагал Ф. Маутнер, а в позитивных усилиях, позволяющих приблизить язык к сфере божественного логоса.

Но главным открытием Витгенштейна после чтения Толстого было, по-видимому, понимание божественного слова как области свободы, а не догмы. Толстовское «Евангелие», как представляется, натолкнуло Витгенштейна на мысль о том, что возможность субъективного толкования евангельских текстов входит в сферу духовной свободы.

В 1916 году Витгенштейн делает знаменательное в этом смысле признание: «Только из осознания единственности своей жизни берет начало религия, наука и искусство» [15, с. 173]. Далее он пишет: «Я хочу написать, каким вижу мир я» [15, с. 177]. Витгенштейн подчеркивает значение личного опыта каждого человека в эпиграфе к «Трактату»: «И все, что знаешь глубоко, не понаслышке, можно сказать тремя словами». Абстрактные духовные ценности становятся конкретными, только войдя в сферу нашего личного опыта. К области субъективного опыта должно относиться и знание о стоящем вне всяких временных рамок библейском слове: «6.44 Мистическое – не то, как мир есть, а то, что он вообще есть».

С. В. Данько в статье «Этика, предрассудки и сверхъестественное в свете идей Л. Витгенштейна» справедливо пишет об одной из главных особенностей философского учения Витгенштейна: «Мир необъясним в своем существовании, само его существование – сверхъестественно, что и придает всем событиям жизни оттенок мистического» [5, с. 905].

Наш контакт с евангельским словом подобен общению с иконой, воздействие которой в равной степени направлено как на сферу божественных смыслов, так и на наше сознание. Невероятная сила библейского слова превращает нас из пассивных читателей в участников его событийной природы: мы должны преодолеть библейские изречения, чтобы понять себя и мир. Так и читатель «Трактата», согласно Витгенштейну, «должен, так сказать, отбросить лестницу, после того, как поднимется по ней. Ему нужно преодолеть эти предложения, тогда он правильно увидит мир» (тезис 6.54).

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что Евангелия являются ключом к тексту «Трактата»: слово витгенштейновского сочинения переняло не только повествовательные стратегии евангельского текста, связанные с непрямым говорением о глубинных основах миропорядка, но и структуру библейского слова: его недосказанность, метафоричность, онтологичность, направленность на метафизические смыслы.

Мы полагаем, что в «Трактате» Витгенштейн дает нам метод анализа наших мыслей и языка, в процессе которого мы должны научиться связывать их «логическую оснастку» с невыразимыми в слове высшими смыслами, которые в аналогичной форме отражены в евангельских текстах. Как Толстой поясняет Евангелия этически, так Витгенштейн пояснял их логически. «Трактат» является, как мы полагаем, единственным в своем роде примером иконизма в логике, логическим отображением смыслов и структуры евангельского слова.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы: в 9 т. / Г. П. Бердников (гл. ред.) и др. – Т. 1. – М.: Наука, 1983. – С. 501–516.
2. Вейш Я. Я. Аналитическая философия и религиозная апологетика. Учение Л. Витгенштейна и «игра религиозного языка» // Л. Витгенштейн: pro et contra: Личность и наследие Л. Витгенштейна в оценках российских исследователей: антология. – 2-е изд. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2019. – С. 949–976.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат [с указанием номеров тезисов] // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
4. Гончарко О. Ю. Этика и/или логика в «Трактате» Л. Витгенштейна? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Т. 17. – № 3. – С. 107–114.
5. Данько С. В. Этика, предрассудки и сверхъестественное в свете идей Л. Витгенштейна // Л. Витгенштейн: pro et contra: Личность и наследие Л. Витгенштейна в оценках российских исследователей: антология. – 2-е изд. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2019. – С. 901–907.

[34]

6. Дорощев Д. Ю. Эстетика образа Людвиг Витгенштейна в теории и жизни // Современные образовательные технологии в преподавании естественно-научных и гуманитарных дисциплин: / отв. ред. А. Б. Маховиков. – СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2017. – С. 514–539.
7. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
8. Жеребин А. И. Вертикальная линия. Философская проза Австрии в русской персептиве. – СПб.: Мир, 2004. – 304 с.
9. Коваль О. А., Крюкова Е. Б. Образ языка Людвиг Витгенштейна и язык образов Ингеборг Бахман // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 51. – С. 145–161.
10. Перов В. Ю. Этические мысли Витгенштейна: истоки, проблемы и достижения // Л. Витгенштейн: pro et contra: Личность и наследие Л. Витгенштейна в оценках российских исследователей: антология. – 2-е изд. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2019. – 1055 с. – С. 887–900.
11. Родин К. А. Этика Л. Витгенштейна в контексте постметафизики логико-философского трактата // Л. Витгенштейн: pro et contra: Личность и наследие Л. Витгенштейна в оценках российских исследователей: антология. – 2-е изд. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2019. – С. 161–178.
12. Федяева Т. А. Русская идея как источник философской инициации в творчестве Л. Витгенштейна, Г. Лукача, Б. Балаша (1914–1919) // Русская германистика. Ежегодник Российского Союза германистов. – Т. XII. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 209–219.
13. Федяева Т. А. Людвиг Витгенштейн и русская литература // Дискурс: Коммуникативные стратегии культуры и образования. – 2003. – № 11. – С. 110–111.
14. Wittgenstein L. *Geheime Tagebücher*. 1914–1916. – Wien: Turia & Kant. 1991. – 184 s.
15. Wittgenstein L. *Tagebücher*. 1914–1916 // Wittgenstein L. *Werkausgabe* Bd. 1. – Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag. 1999. – 590 s.

References

1. Averintsev, S. S. (1983). Istoki i pazvitie rannekhristsianskoj literatury [Origins and development of Early Christian literature]. *Istoriya vsemirnoj literatury*. [History of World literature] Vol. 1. Moskva: Nauka. pp. 501–516. (In Russian).
2. Veish, Ya.Ya. (2019). Analiticheskaya filisofiya i religioznaya apologetika. Uchenije Ludviga Vitgenshtejna i "igra religioznogo yazyka" [Analytical philosophy and religious apologetics. Scholars of Ludwig Wittgenstein and the "game of religious language"]. *L. Wittgenstejn: pro et contra: Lichnost' i nasledije L. Wittgenstejna v otsenkakh rossijskikh issledovatelej: Antologiya* [L. Wittgenstejn: pro et contra] 2nd ed. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RHGA. pp. 849–976. (In Russian).
3. Wittgenstejn, L. (1994). Logiko-filosofskij traktat [Logico-Philosophical Treatise]. Wittgenstejn L. *Filisofskije raboty*. Chast' 2. Moskva: Gnozis. 612 p. (In Russian).
4. Goncharko, O. Yu. (2016). Etika i/ili logika v "Traktate" L. Wittgenstejna. [Ethics and/or logic in L. Wittgenstein's "Treatise"?] *Vestnik RHGA*. [The RKHG Bulletin]. No. 3. pp. 107–114. (In Russian).
5. Dan'ko, S. V. (2019). Etika, predrassudki i sverkhhestvennoje v svete idej L. Witgenshtejna [Ethics, prejudices and the supernatural in the light of the ideas of L. Wittgenstein]. *L. Wittgenstejn: pro et contra: Lichnost' i nasledije L. Wittgenstejna v ozenkakh rossijskikh issledovatelej: Antologiya* [L. Wittgenstejn: pro et contra] 2nd ed. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RHGA. pp. 901–907. (In Russian).
6. Dorofeev, D. Yu. (2017). Estetika obraza Lyudviga Witgenshtejna v teoriji i zhisni [Aesthetics of the image of Ludwig Wittgenstein in theory and life]. *Sovremennye obrasovatel'nye tekhnologii v prepodavani estestvenno-nauchnykh i gumanitarnykh disyplin* [Modern educational technologies in teaching natural sciences and humanities]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gornij universitet. pp. 514–539. (In Russian).

7. Lotman, Yu. M. (2000). Simvol v sisteme kul'tury [Symbol in the culture system]. Lotman, Yu. M. *Semiosfera*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb. 704 p. (In Russian).

8. Zhrebina, A. I. (2004). *Vertikal'naja liniya. Filosofskaja proza Avstrii v russkoj perspektive* [Vertical line. Philosophical prose of Austria in Russian perspective]. Sankt-Peterburg: Mir. 304 p. (In Russian).

9. Koval', O. A., Kryukova, E. B. (2018). Obraz yazyka Lyudviga Vitgenshtejna i yazyk obrazov Ingeborg Bakhman. [Ludwig Wittgenstein's Image Language and Ingeborg Bachmann's Image Language] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univversiteta* [Bulletin of Tomsk State University. Philology]. No 51. pp. 145–161. (In Russian).

10. Perov, V. Yu. Eticheskije mysli Vitgenshtejna: istoki, problemy i dostizheniya [Wittgenstein's Ethical Thoughts: Origins, Problems and Achievements]. *L. Vitgenshtejn: pro et contra: Lichnost' i nasledije L. Vitgenstejna v ozenkakh rossijskikh issledovatelej: Antologiya* [L. Wittgenstein: pro et contra] 2nd ed. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RHGA. pp. 887–900. (In Russian).

11. Rodin, K. A. (2019). Etika Vitgenstejna v kontekste postmetafiziki "Logiko-filosofskogo traktata" [Ethics of L. Wittgenstein in the context of post-metaphysics of the "Logical-philosophical treatise"]. *L. Vitgenshtejn: pro et contra: Lichnost' i nasledije L. Vitgenstejna v ozenkakh rossijskikh issledovatelej: Antologiya* [L. Wittgenstein: pro et contra] 2nd ed. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RHGA. pp. 161–178. (In Russian).

12. Fedyaeva, T. A. (2015). Russkaya ideya kak istochnik filosofskoj initsiatsii v tvotchestve L. Vitgenshtejna. G. Lukacha i B. Balasha (1914–1919) [The Russian Idea as a Source of Philosophical Initiation in the Works of L. Wittgenstein, G. Lukacs, B. Balazs (1914–1919)]. *Russkaja germanistika* [Russian German studies]. Vol. XII. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury. pp. 209–219. (In Russian).

13. Fedyaeva, T. A. (2003). Lyudvig Vitgenshtejn i russkaya literatura [Ludwig Wittgenstein and Russian Literature]. *Diskurs* [Diskurs]. No. 11. pp. 110–111. (In Russian).

14. Wittgenstein, L. (1991). *Geheime Tagebücher. 1914–1916*. Wien: Turia & Kant. 184 s.

15. Wittgenstein, L. (1999). *Tagebücher. 1914–1916 // Wittgenstein L. Werkausgabe*. Bd. I. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag. 590 s.

Об авторе

Федяева Татьяна Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-8644-1218, e-mail: fedjaew58@mail.ru

About the author

Tat'yana A. Fedyaeva, Dr. Sci (Philology), associate professor, professor of St. Petersburg State Agrarian University, Sankt Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-8644-1218, e-mail: fedjaew58@mail.ru

Поступила в редакцию: 11.06.2022

Received: 11 June 2022

Принята к публикации: 11.07.2022

Accepted: 11 July 2022

Опубликована: 30.09.2022

Published: 30 Sept. 2022